

“Это было как страшный сон”

Воспоминания славутичанки, пережившей блокаду Ленинграда

В аудитории, где проходила встреча в рамках проекта “Старость меня дома не застанет” о тоталитарном режиме, ведущая проекта Оксана Овчарук, а вместе с ней и Татьяна Сергиенко объяснили:

— А сейчас скажет слово **Маргарита Алексеевна Мишогло, которая маленьким ребенком пережила блокаду Ленинграда.**

И наступила тишина — в аудитории как будто никого не было...

ящему: а кто его знает, что такое война...

— Стоим с сестрой на окне, а по улице идут строем солдаты с винтовками и котелками. Держат на-

правление к Витебскому вокзалу.

— Мама, а куда они идут? — спрашиваем. — На войну, доченьки, — отвечает мама.

А вскоре “урезали” хлеб. Вначале детям давали по 200 граммов хлеба, а потом по 125.

Битва за Ленинград была одной из самых ожесточеннейших (1941—1944). Военное положение в Ленинграде было с 22 июня 1941 года. В ночь на 23 июня немецко-фашистская авиация впервые пыталась совершить налет на город, но ни один самолет не был допущен к городу. Первые фашистские бомбы на Ленинград были сброшены 6 сентября. Затем город стал подвергаться систематическим налетам вражеской

авиации. Один из самых крупных налетов был 19 сентября 1941 года. В нем участвовало 276 фашистских самолетов. В течение дня город подвергся шести бомбежкам.

— Когда бомбили, мама просила прятаться, а Алла не пряталась — и ей оторвало ногу... А сразу после войны она умерла от истощения.

Жизнь становилась все страшнее и тяжелее. Маргарита тоже страдала от истощения, врач сказал: “Без крови она умрет”. И тогда мама дала ей свою кровь.

Восьмого сентября 1941 года противник захватил Шлиссельбург. Прекратилось сухопутное сообщение с Большой землей. Две немецкие армии под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба плотно закрыли сухопутную часть.

Началась почти 900-дневная блокада. Люди на ходу умирали от голода. Их увозили на санках.

— Зимой папа (еще до ухода на войну) сделал буржуйку. Все сидели вокруг буржуйки и грели руки. Становилось все хуже. Съели собак и кошек. Папа сказал за-

нести красивую пушистую кошку за Неву, чтоб ее не съели. Так и сделали, а она пришла домой, легла и пропала...

Хлеб все больше урезали, а мы кричали: “Хлеба... Мы хотим хлеба!” Мама, вся высохшая, еле держалась на ногах. Она шаталась и не знала, что с нами делать. Бесперывно плакала и плакала. Папа ушел на Ленинградский фронт, только и сказал: “Береги детей, я ухажу”. И... ушел.

Мама резала кору с деревьев, делила на кусочки, варила и давала детям. И мы все это ели.

“Мама, ну такое невкусное!” — “Не хочешь, не ешь. Больше есть нечего”.

— Это был как бы страшный сон, — говорит Маргарита Алексеевна, смахивая очередную слезу.

Но не всегда была и кора. Зимой мороз сковывал деревья, и резать кору было невозможно. Но чем кормить детей? Соседские детки все умерли. Заходили бездомные. “Можно у вас попить?” Мать приютила не одного человека и спасла им жизнь. Воду брали в Неве, на санки ставили два ведра и тащили их. Холодную воду подогреть было не на чем.

Мама все время была на ногах. Еле-еле ходила.

А по приемнику, у кого они были, передавали в основном классическую музыку. Великий композитор Дмитрий Шостакович писал в Ленинграде свою знаменитую Седьмую, “Ленинградскую”, симфонию. Слушать ее спокойно невозможно.

Однажды сдался в плен немецкий фельдфебель. Все были в изумлении и спрашивали у него: “Ведь вы же знаете, что Ленинград падет не сегодня-завтра? Как же вы могли сдаться нам?” Он ответил, что они слушали все передачи для жителей Ленинграда (а все время передавали классическую музыку). “Народ, который слушает классическую музыку, покорить невозможно!”

— Мама подозревала одного человека в предательстве. Когда летели вражеские самолеты, он мигал фонариком, указывая, куда сбрасывать бомбы. А на нашей улице много фабрик и заводов. Мама спросила: “Что вы делаете?” А он в ответ: “Так надо, Олечка!” Мама заявила в милицию, они приехали и тут же расстреляли его на месте.

Папу перебросили куда-то под Тихвин. Одна цыганка стала гадать маме, разложила карты — а там все черное. “Ничего хорошего не жди”, — сказала старая цыганка. От папы пришло всего несколько слов: “Я далеко. Меня не ждите. Фашисты нас окружили со всех сторон. У нас нет выхода”. Мама обливается слезами, а вместе с ней и мы.

Она надела все черное. Мы стояли в подворотне, а с самолета всё стреляли, и сестре ранили ногу. Она осталась инвалидом на всю жизнь.

Возле нас бомбили шоколадную фабрику. После каждой бомбы мы падали с кроватей как груши.

Разбомбили швейную фа-

брику. Сбрасывали пустые бочки с дырками. Они выли в воздухе и охладили сердце. Было очень страшно, но мы, дети, как и взрослые, привыкли ко всему этому.

У нас жила одна женщина, работала в типографии. Утром она шла на работу и увидела мертвую женщину. А когда шла с работы, одной ноги у трупа уже не было... Случаев каннибализма становилось все больше.

Но приближался 1944 год, год освобождения и снятия блокады. 27 января блокаду сняли, радости не было конца. Вышли на улицу — а там салют! Стало легче с питанием, давали хлеб по карточкам, а в 47-м сняли и карточки. В школу ходить было не в чем. Ходили в пальто, перешитых из шинелей. Но все же на душе было радостно: уже нет блокады!

За время войны немецко-фашистская авиация сбросила на Ленинград около 5 тысяч фугасных и свыше 100 тысяч зажигательных бомб. Гитлеровские войска выпустили по Ленинграду около 150 тысяч артиллерийских снарядов. Пострадал почти каждый жилой дом. Повреждено 500 школ, 9 тысяч деревянных зданий, сотни ценнейших памятников истории и культуры. Но город жил, он не сдавался. Нет! Такой народ победить нельзя. В таких нечеловеческих условиях народ слушал классическую музыку, которую, кстати, редко услышишь сейчас.

Леонид КУПРИЙ, отличник народного образования, ветеран труда

Эти два слова, “блокада Ленинграда”, заставляют человека вздрогнуть, мгновенно осмыслить это огромное и страшное мучение длиною почти в 900 дней.

И когда Маргарита Алексеевна встала, зал взорвался аплодисментами. В наше время не так уж часто увидишь человека, пережившего истязания тех страшных дней, второго Освенцима.

А Маргарита стояла, и по щекам ее текли слезы. Многие участники проекта тоже плакали.

Родилась Маргарита Алексеевна в Ленинграде в 1936 году. Жила во Фрунзенском районе (это в центре города). В школу пошла после войны. В свои пять лет она не восприняла войну по-насто-